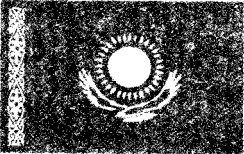

1135

ЛИТЕРАТУРА
НАРОДОВ
КАЗАХСТАНА

*Матьяна
Азовская*

МИМО ОСТРОВА БУЯНА

ҚАЗАҚСТАН РЕСПУБЛИКАСЫНЫҢ
МӘДЕНИЕТ, ЖУРНАЛИСТИКА ЖӘНЕ
СЫМАУЛЫҚ ҚИЗМЕТТЕРІ АГЕНТТІГІ
АЛМАТЫ АӨНІСІ

Стихи и поэма

УДК 821(574)
ББК 84(5Каз-Рус)7-5
А 35

Министерство культуры и информации
Республики Казахстан
Комитет информации и архивов
Программа выпуска социально-важной литературы

Азовская Т.

А35 Мимо острова буяна: *Стихи и поэма.* – Алматы:
– “Жазушы”, 2009. – 160 с.

ISBN 978-601-200-232-4

Татьяна Азовская – автор четырех поэтических сборников: «Благодарю судьбу», «Письмо из осени», «Смуглое лето», «Я расскажу Тебе».

Творчество Казахстанской поэтессы – это неустанный труд души, равнодушной ко всему, что случается в этом мире. Но, пожалуй, центральное место её поэзии принадлежит родной земле – границе Европы и Азии, где сошлись два континента, две культуры.

А $\frac{4702250202-060}{402(05)09}$

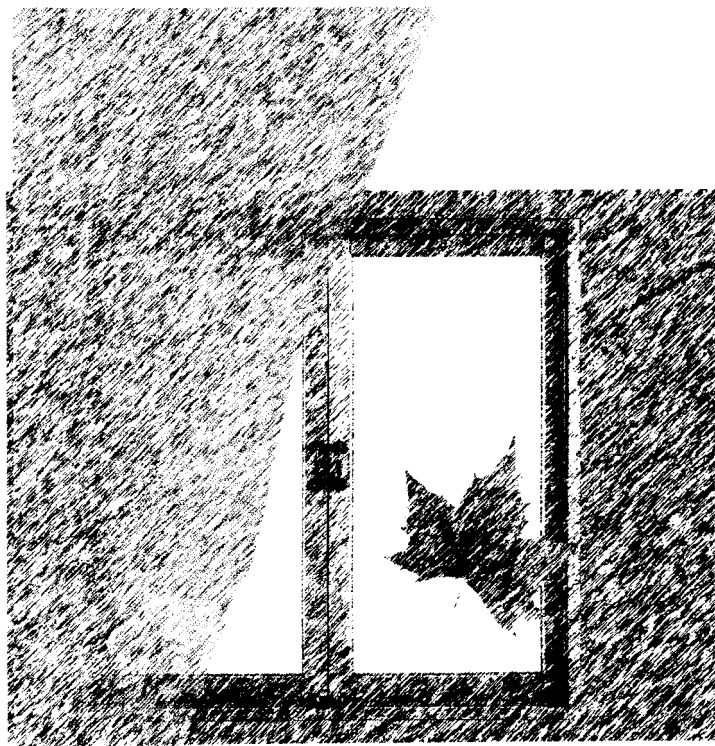
УДК 821(574)
ББК 84(5Каз-Рус)7-5

ISBN 978-601-200-232-4

© Азовская Т., 2009
© Издательство “Жазушы”, 2009

I

МИГ УДИВЛЕНИЯ

Есть пристрастие души –
заповедник дней и далей,
вдалеке от магистралей
(чтобы не сказать – в глуши)
городок. Пройти пешком
вам – не в труд, а мне – так радость.
Палисадников прохлада
ублажает каждый дом.

В знаменитых городах
любовалась – не любила,
привыкала через силу,
не привыкнув никогда.

Потому что только раз
нам даны, как неизбежность,
испытанием на нежность
белый тополь, черный вяз.

Остальные – просто лес
без названья, просто – крона,
чтобы тень создать. А корни
я узнала только здесь,
где до памяти, до слов,
от зари вечерней розов,
плыл в крещенские морозы
благовест колоколов,
где услышала, как звал
самовар в тени сирени.
Все пройдет. Но неизменен
чаепитий ритуал.

И нельзя судьбу лишить
раз врученного наследства:
мамы, родины и детства, –
состояния души.

* * *

Так только девочки умеют петь –
полубеспечно, полубезысходно,
как будто предъявляя счет судьбе,
как будто завтра – будет слишком поздно.

И первую бессонницу свою
в трагедию всего земного шара
почти шутя ребенок превращает.
– Так с миром заключается союз.

И белый свет лежит у детских ног,
оторопев от раннего прозренья.
Запоминает ночь стихотворенье,
как школьница прилежная урок.

ЗНОЙ

Последуй за голосом птицы кричащей
в дремучую тайну и тайную чашу,

где жутко, как в детстве, как будто валежник
вот-вот обернется хохочущим лешим,

где сладко, как в детстве, от долгой истомы
на самом краю золотого затона.

Ивняк бахрому приподнимет. И сумрак,
пронизанный солнцем, похож на рисунок –

далекого детства забытая шалость...
– Должно быть, у леса, и вправду, душа есть.

МИГ УДИВЛЕНИЯ

1.

Нет ничего банального на свете.
Взять хоть бы лист – кленовый? тополиный?
Как будто память о минувшем лете,
к стеклу приник, дрожа нетерпеливо.

Тут важно уточнение: это клен.
Он три десятилетия под окном
то тень дарил, то в тишине морозной
звенел чуть слышно веточкой венозной.

Ему с досады как-то по весне
заносчивую маковку спилили,
но, словно насмехаясь над насильем,
он так же строен и пригож вполне.

И лист его – края в подтеках охры –
разлапистый, как лягушонок, мокрый,
лист, как печать, скрепившая решенье
земли и неба: наступила осень –
миг увяданья, праздник удивленья –
значимости своей не знает вовсе.
Без прошлого и завтрашней надежды, –
дрожащий лист на перепутье: между
зимой и летом, на сплошном «пока» –
пока дождем простудным облака
не выстегали землю и пока
все не спустил до нитки с молотка
транжир и скряга – баловень октябрь
продлит не жизнь, но свет ее хотя б...

2.

Прими любую малость за награду!
Отточен слабый прутик, словно грифель.
Он зацепился каблучком за рифы
подземной жизни, сотворенной садом.

(Любой пустяк на удочке у рифмы
становится спесив, как лорд палаты
английского парламента... Но лорды
тут ни при чем. Дано понятие: спесь.
На этом исчезает интерес
к особам упомянутого сорта).

А этот слабый прутик заостренный
уже шумит невидимую кроной,
подсвечивает любопытным оком
и вздрагивает листиком атласным.
И нет, наверно, ничего прекрасней,
чем эта малость, взятая с наскоку.

Но бьемся, бьемся в тесноте абстракций,
как будто чаще к звездам обращаться
приходится, чем к хлебу на столе.
А хлеб лежит – высокий и духмяный
на праздничной салфетке полотняной.
И корочка румяная – в золе.

РИСУЮТ ДЕТИ

До подснежника —
первым ручьем,
так внезапно прорвавшись к свету,
все бывшее весна зачеркнет,
перекраивать время начнет,
превратив тротуары в мольберты.
И оставит на память земле
изумленного детства подарок.

Новый мир сотворен без помарок,
как сподобили прутик и мел.

Вне иерархий и школ —
лишь за тем,
чтобы радовать мир человеческий,
белый дым завивает колечки
над воздушной конструкцией стен.
И повисло на нитке луча
малышом прирученное солнце.
И кораблик уходит без лоций,
положившись на волю ручья.

За день вырастут этажи.
— Нарисуем и станем жить! —

Как у будущих гроз и дождей
отвоеванная победа —
голос юного Архимеда:
— Не касайся моих чертежей!

* * *

Девочка играет Бетховена.
Легко срывает звуки
и спокойно бросает их
в полутемную комнату.
Уверенно бегают детские пальцы,
а клавиши стонут —
им очень трудно.
Я слушаю,
и мне страшно:
неужели она понимает это?

МАРТ

Поднатужимся, март!
Это время вернется едва ли!
Окунем поскорей
полдень жизни в безудержность дней!
Устремлен вглубь себя
влажный взгляд удивленных проталин.
И у юной земли
шевелинулся под сердцем ручей.

Золотым плавником
промелькнуло созвездие – Рыбы.
И рожденный под знаком его
и пригож, и любим.
Мне хватило мгновенья,
чтоб сделать единственный выбор,
но не хватит судьбы
надышаться простором твоим.

Петушиная гордость
нисходит на старые крыши.
Город рвется в полет
на глазах простофиль и зевак.
Поднатужимся, март!
Нашу главную строчку допишем!
Пусть уронит капель
восклицательный знак!

* * *

Говорю: – Отшумела весна! –
Но не надо искать аллегорий:
степь сегодня до самых предгорий
от пожарища маков красна.
Ну а если чуть сузить простор,
то в окне будут гроздьи сирени.
Как вальяжны! Хоть смотрят смиренно,
словно просят пустить на постой.

Значит, лето. И скоро гроза
первым громом отменит кануны.

И тому, что вчера было юным,
станет опыт нужней, чем азарт.
Скоро август подставит ладонь
под облавы кармина и охры.
И звезды ослепительный окрик
призовет к совершенству плодов.

А пока, ^{взлети} изгот~~овься~~ на взлет,
гроздь сирени гудит, словно улей...
Лишь предчувствия не обманули б, —
остальное — произойдет!

* * *

Тянется к руке — рука,
плачет о душе — душа.
Контур обведу слегка
кончиком карандаша.

Дождь впущу и сразу — снег,
окна отворю лучу.
Может, будет хуже всех, —
только бы как я хочу!

Только бы запомнить, как
в час, когда забыть спешат,
тянется к руке рука,
плачет о душе душа...

* * *

Я держу на ладони твое «счастье»
Как оно непрочное:
упадет —
и голубые искорки
потухнут на черном асфальте.
Поэтому я крепко сжимаю в руке
маленький стеклянный шарик,
в котором мы с тобой
отражаемся
вверх ногами.

* * *

Давайте чай с вареньем пить,
искать в словах усладу.
Но о любви мне говорить,
пожалуйста, не надо.

Потом по нотам разберем
всю тишь ночного сада.
Но одиночества – вдвоем
ни Вам, ни мне не надо.

Я все придумаю сама.
Я так судьбу устрою,
что целый мир сойдет с ума,
Вас угадав в Герое.

Я подарю вторую жизнь
единственному взгляду,
которым голову кружить,
пожалуйста, не надо.

Ведь только шаг – и пустота
от полноты свершенья.
И суетная маята
досады и прозренья...

* * *

Что знаю о Вас? – Красотой
природа не поскупилась.
Задавленная суетой,
вдруг явлена Вами, как милость.

Что знаю о Вас? – Что нежна
глаз неосторожная сила,
что Ваших висков седина
ладони моей попросила.

Нас в давке людской невзначай
толкнуло навстречу друг другу.

Минутная верность плеча –
всей жизни грядущей порука.

Автобус – щекастый чудака –
спешит к остановке конечной.
Наверно, уже никогда
я Вас, мой любимый, не встречу.

Скользну по ступеночкам вниз –
на землю – как за снисхождением...
Что знаю о Вас? – Эта жизнь
допишется воображеньем.

* * *

Когда устанет сердце от погонь,
мир, кажется, до слез устроен просто.
И жизнь встает, как девочка-подросток,
и тянет к небу легкую ладонь.

Когда утихнет головная боль,
и пустоту заменит невесомость,
так ясен взор для малости любой, –
мир познаешь, не выходя из дома.

И надо распрощаться с суетой,
чтоб в радуге волшебного кристалла
жизнь улыбалась вечной и святой,
как будто ей – тебя лишь не хватало!

* * *

Спокойнее, как можно, тише –
еще не время горевать.
Взгляд, к повседневности привыкший,
отметит бегло: стол, кровать,
два стула, сдвинутые в спешке,
неяркий свет старинных бра,
и как из рамы потемневшей,
он вырвется из тьмы кромешной
туда, где старые черешни
дрожат в отливе серебра.

Реалий наших кубатура,
где ценят за объем и вес,
удач поспешные котурны,
тревожных дней густой замес,
вершины этажей и лестниц, –
все отойдет на дальний план,
когда свои ладони месяц
в молочный окунет туман.

Когда неровности и складки
разгладит присмиривший сад
и, радуясь миропорядку,
ветвей расправит паруса,
когда не надо лжи и грима,
вверяя небеса земле...

...И томик Александра Грина
лежит, забытый, на столе.

* * *

О Господи! Откуда эта ясность,
звонящих дней прозрачность и покой!
Как будто детство за оградой яслей
и впрямь имеет силу над судьбой!

Заслушаюсь, как тронутый загаром,
мой клен стихи читает нараспев.
И в яркий гомон площади базарной
войду легко и пропаду в толпе.

Мне горечь слов уже не сушит губы,
рука не знает тяжести крыла.
И хорошо, что ты меня не любишь, –
я более счастливой не была.

И хорошо, что не болит нисколько
там, где, считала, теплится душа...

Дробится солнце в окнах на осколки,
и мне совсем не боязно дышать.

* * *

Я думала – разлука, где
непониманье хлопнет дверью,
и увеличит счет потерям,
и бросит злой укор судьбе.

Когда устанет голова
от сочиненных монологов.
и боль отступит понемногу,
и память обретет слова.

Я думала – разлука там,
где суетных вокзалов скука.
И обреченно подан трап,
и поняли бессилье руки,
и человек готов уже
себя доверить встречам новым.
Недолгий смех игры почтовой
как извиняющийся жест.

Так думала. Но ты вошел
в мой дом, уже и мной забытый.
Накрыт на две персоны стол,
и память, как альбом, раскрыта.
Листая прошлого листы,
мы судим весело друг друга...
Когда я поняла разлуку,
разлуки не было.
Был ты.

* * *

Разрыва не было. Был взрыв
в соседней роще утром теплым.
И ветер голосил навзрыд,
и листья оббивали стекла.

– Какая осень за окном! –
Подумала она, проснувшись.
Не зная, что в ночи тайком
горел бикфордов шнур разлуки.

Явилась по календарю,
сжигая заповеди, осень.
Еще меня никто не бросил,
а я «прощайте» – говорю.

* * *

Прощайте, принцы–мальчики,
под парусами алыми!
Так и не повстречались мы,
прошли путями разными.

Принцессой на горошине
для вас хотелось быть,
вам посвящать хорошие
умные стихи.

Не удалось. Виновна ли,
что быстро стала взрослою,
что шалости девчоночьи
называю: «Прошрое».

Из снов моих – пожалуйста –
на все четыре стороны!
Я праздную прощание
с тем, что было дорого!

Впервые так уверенно
я руки разняла,
как будто бы до этого
еще и не жила!

* * *

Остановите бег весны!
Продлите графику проталин,
покуда воздух не отравлен
сознанием ее вины.

До объяснения причин
заставьте властвовать контрасты:

чернеть леса на снежном насте,
заприте в фокусе лучи!

Еще разрешена печаль:
какой звезде молиться будем,
попав в повиновение к будням,
забыв значение начал?

Пускай незрелость новизны
дрожит на клавишах капели.
Договорите, что хотели!
Остановите бег весны!

II

Я ЭТУ ЗЕМЛЮ НАЗЫВАЮ ДОМОМ

І және қияттама басқармасының Ж.Молда

* * *

Не разбазарить – одарить
собою все, что сердцу мило.
Жить, как велят календари,
и называть себя счастливой,
и сознавать, что справедливы
души приливы и отливы,
час полночи и час зари.

Гардин бесшумный водопад
не отделяет от пространства.
Кто проложил маршрут, когда –
от детского непостоянства,
от полки книг до полки странствий,
до комнатки одной из станций,
где мимолетны поезда?

Вот и прошла чрез волшебство,
где ослепляли парадоксы.
Беру сопротивленье слов
у памяти родных погостов,
у тишины речных откосов
и вдохновенья стройный образ
зову попроче: – Ремесло.

И хорошо, что мне даны
с друзьями радостные встречи,
их смех и путаные речи
среди непраздной тишины,

что в мире нет чужой вины,
и что в любых противоречьях
всегда строку диктует вечность
с лицом сограждан и страны.

* * *

– Подумаешь, луна!
Не много ль воздыханий!
Все тиражи изданий
заполнила она!

– Подумаешь, свеча!
Лишь выключатель шелкнет–
сто двадцать свеч тотчас
сведут с минувшим счеты.

Уходят поезда.
Взмывают в высь моторы.
– Подумаешь! – О, да,
подумаешь... Коль скоро
в стремнину площадей –
над пестротой проспектов,
над пляскою огней
неонового спектра–
луны недвижный свет...

И вот – на всю округу
с тобою рядом нет
ни недруга, ни друга.

Живое пламя свеч
горит исповедально.
И безыскусна речь
с душой родной и дальней.

* * *

И опять ожидание писем.
Значит, лето пошло на убыль.
Значит, профиль луны оттиснут,
словно штамп, на оконный угол.

Вот и кончилось суесловье
отпусков, дорог лихорадка.
И подвержена славословью
расставаний моих тетрадка.

И в ночи голоса родные
оживают. И мысль о встрече–
словно Пущина перекладные,
Над Михайловском – звон бубенчика.

И уже не облик, а образ
друга –
долгой тоской возвысит.
И как в замкнутость, день мой вобран
в ожидание писем.

* * *

НИКОЛАЮ СКАЛОНУ

Я в эту зиму медленно жила,
как будто снова привыкала к зрению.
Под жаркий треск березовых поленьев
совсем не вспоминала про дела.

Брала в ладонь литой осколок льда.
И радуга внутри была похожа
на лепесток одной звезды... – А все же
как много солнца спрятала вода!

Я в эту зиму сторонилась книг.
И только, прислонясь к оконной раме,
читать могла единственный пергамент,
где тополь примерял седой парик,
где множеством следов был снег изранен,
и узенькая тропка напрямик
шла от крыльца и таяла в тумане.

И складывались медленно слова
в пространные и медленные письма.
– Нет в мире ничего банальней истин!
(Но эта фраза тоже не нова).

Далекий друг воспринимал стихи
всерьез и не задерживал ответа.
Сугробы вырастали до стрехи.
И по ночам мне долго снилось лето.

ПРИГЛАШЕНИЕ В ГОСТИ

Приезжайте, приезжайте!
Что сидеть уныло дома?
Мой любимый горожанин,
киньтесь в путь, как будто в омут!

Поезд выстучит морзянку,
и в купе заглянут сразу
пашни, реки, полустанки,
шубы, валенки, ушанки,
ритм гитары, речь цыганки, –
целый мир дорогой связан.

А хотите – самолетом!
Рядом – неба позолота.
Развалясь удобно в кресле,
покачайтесь на подушках,
чтобы заново воскресла
память о дворцах воздушных!

И когда в клубах мороза
в дом войдете, – я, не силясь,
откажу дорожной прозе:
Вы – на облаке спустились!

Приезжайте! Как люблю я
речи медленной узоры!
Уведут напропалую
от начала разговора.
Но пока беседы чары
нас совсем не укачали, –
напою Вас крепким чаем
под ворчанье самовара.

Рядом с радостью такою
воли не дадим злословью,
недоверием не раним!
А у ночи на краю –
доброй сказкой успокою,
сон поставлю в изголовье
и уже одним дыханьем
колыбельную спою!

СВОБОДНЫЙ ДЕНЬ ЗЕМНОГО ОКТЯБРЯ

Маме

I.

Свободный день земного октября
к жилью приблизит небеса и рошу,
чтобы связать уже судьбою общей
просторный мир и замкнутость двора.

Приглушит краски и утешит слух
прозрачной чистотою увяданья.
Еще нескоро до ближайших вьюг,
И нашей грусти нет пока названья.

Еще – с порога – виден каждый лист,
слетающий негромко и неспешно.
И дом, где мы однажды родились,
как в первый день творения – безгрешен.

2.

А в мягкой тишине над городком
сутулят плечи башенные краны.
И кажется на фоне облаков
пейзаж урбанизации бездарным.

Здесь все иначе выглядеть должно,
но – как и почему – сама не знаю...
– Хочу, чтоб занавеска продувная
рывалась в растворенное окно.

А вместе с нею – драгоценный сор:
кузнечика крыло из перламутра
и то, что создал неизвестный скульптор,
– живого леса золотой узор.
Чтоб в сумерках высоких и густых
земной звездой вздрагивали астры,
и наконец, избавить от контрастов
судьбы незавершенные холсты,
любить весь мир и низвести пространство
до истин – сокровенных и простых.